

Но Пушкин не мог долго оставаться в этой призрачности: его гениальная субстанция вырвала его из этой бесконечной пустоты духа и насильно вела его к примирению с действительностью.

За этим отчаянием, за этой сухостью духа последовала тихая, благотворная грусть, как светлый луч неба, как вестница очищения и просветления, и он выразил свое преображение в этих прекрасных стихах:

«Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильнее.
Мой путь уныл, сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Я не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной».¹

Да, грусть есть начало просветления духа: она освежает душу, она есть начало веры, начало любви; грусть есть начало выздоровления, и Пушкин скоро выздоровел: в то самое время, как все думали, что его поэтический гений угас, потух под тяжестью светских забот, он совершал свое великое примирение с действительностью, и его последние произведения, напечатанные в «Современнике», торжественно доказывают это.

Да, счастье – не в призраке, не в отвлеченном сне, а в живой действительности; восставать против действительности и убивать в себе всякий живой источник жизни – одно и то же; примирение с действительностью, во всех отношениях и во всех сферах жизни, есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гете – главы этого примирения, этого возвращения из смерти в жизнь. Будем надеяться, что наше новое поколение также выйдет из призрачности, что оно оставит пустую и бессмысленную болтовню, что оно сознает, что истинное знание и анархия умов и произвольность в мнениях совершенно противоположны, что в знании царствует строгая дисциплина и что без этой дисциплины нет знания. Будем надеяться, что новое поколение сроднится наконец с нашею прекрасною русскою действительностью и что, оставив все пустые претензии на гениальность, оно ощутит наконец в себе законную потребность быть действительными русскими людьми.

Гегель восстает против самолюбивой и смешной уверенности нашего времени, что можно быть философами и учеными без всякого труда и усилия; говорит, что эта глупая уверенность, завлекая слабых людей, отрывает их от всякого другого поприща, на котором они могли бы быть действительными и полезными людьми. Для доказательства этого мы перевели три речи из говоренных им на публичных актах Нюрнбергской² гимназии, из которых одна по распоряжению редакции помещается здесь, а другая предназначается для следующей книжки «Наблюдателя».

О философии³ Статья первая

Нигде так сильно не является разногласие, составляющая существенный характер нашей современной литературы, как в вопросе о философии: одни утверждают, что философия есть действительная, высшая наука, разливающая свет на все отрасли знания и требующая положительного изучения; другие же, напротив, уверяют, что она не более как сброд фантазий, пустая игра воображения, мешающая развитию других положительных наук. Одни говорят, что человек, занимающийся ею, –

¹ Стихотворение А.С. Пушкина «Элегия».

² Правильнее: Нюрнбургский.

³ Впервые опубликована в журнале «Отечественные записки» (1840. Т. IX. № 4. Отдел II. С. 51–78). В настоящем издании текст печатается по: Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 138–157.